

Принято считать, что они рыдали навзрыд, но на самом деле плач Цзи Аня и Цзи Лэ был не громче, чем жалобное мяуканье котят на зимней улице. Сдержанность и страх давно въелись в их души.

Даже позволяя себе плакать, они не смели делать это громко.

Цзи Яньцин опустился на одно колено, отложил топор и крепко обнял эти два крошечных, беспомощных тельца.

Слыша это кошачье всхлипывание, вырывающееся из их горла, и чувствуя их неконтролируемую дрожь, он ощущал, как его сердце сжимается и разрывается на части. Эта душающая боль была невыносимой и горькой.

— Не бойтесь, не бойтесь...

Цзи Яньцин не мог подобрать красивых слов, он лишь повторял эти два, а ответом ему служила та сила, с которой малыши цеплялись за его одежду, словно за спасительную соломинку.

Шум продолжался недолго. Сюэ Ган помнил, что в городе бродит Король зомби, поэтому, выместив злость и закончив избиение, он тут же приказал всем подниматься. Им нужно было уходить как можно скорее.

— Вы сможете идти сами? — спросил Цзи Яньцин, глядя на Цзи Аня и Цзи Лэ, чьи глаза опухли от слез.

Малыши были очень худыми, на их лицах не было той детской пухлости, которая должна быть в их возрасте. Они все равно оставались милыми, но эта милость была омрачена трогательной, вызывающей жалость, взрослостью.

Цзи Ань всхлипнул и покачал головой:

— Я не устал.

Цзи Лэ вытер слезы и тоже покачал головой.

Цзи Яньцин тихо вздохнул.

После такого бега даже он сам едва мог передвигать ноги, а ступни горели от пронзительной боли. Куда уж двум трехлетним детям не устать?

Цзи Яньцин открыл свой рюкзак и посмотрел на Цзи Лэ.

Цзи Лэ посмотрел на Цзи Яньцина, потом на Цзи Аня.

— Иногда понуть или покапризничать — это нормально, — тихо сказал Цзи Яньцин.

Цзи Лэ не совсем понял, но послушно забрался в рюкзак.

Цзи Лэ был еще худее, и рюкзак Цзи Яньцина вполне мог его вместить.

Застегнув молнию, но оставив отверстие для воздуха, Цзи Яньцин взвалил на спину рюкзак, затем топор, и поднял на руки Цзи Аня.

Готовясь отправиться в путь, Цзи Яньцин инстинктивно оглянулся на того, кого они встретили недавно, убедился, что тот не отходит и прямо смотрит на Цзи Аня у него на руках, и повел отряд за собой, присоединившись к основной группе.

Группа из двух-трех сотен человек тихо вышла из магазина и направилась в темноте прочь из городского центра, к окраинам. Они напоминали призраков, бредущих напрямиком в ад.

Со стороны это выглядело одновременно жутко и угнетающе.

Хотя большая группа двигалась медленнее, чем их маленький отряд раньше, они все же шли быстро и менее чем за десять минут преодолели значительное расстояние.

Этот городской район был намного меньше предыдущего города, и, поскольку отряд выживших уже двигался в сторону окраины, после возобновления движения они менее чем через два часа увидели лес на краю бетонно-стальных джунглей.

За городом тянулись поля, где рос рис и другие мутировавшие культуры.

Люди из отряда, очевидно, знали, насколько опасен этот рис, поэтому без всяких напоминаний быстро закрыли рты и носы, максимально прикрыв глаза.

На этот раз им повезло: чуть левее впереди проходила старая, заброшенная дорога с разбитым покрытием. Она пересекала все поле, соединяя город с далекими горами.

На дороге у города были машины и зомби, но немного.

Люди Сюэ Гана подняли шум, чтобы отвлечь всех зомби в городские постройки, и основная группа быстро двинулась по дороге.

Поля были огромными; они шли вперед минут сорок, прежде чем по обеим сторонам дороги,

наконец, стало меньше признаков человеческого присутствия.

В это же время на горизонте показалась первая серая полоска рассвета.

За полями простиралась горная местность: неровная, заросшая травой земля, крутые обрывы, запутанные горные хребты. Асфальтовая дорога, обрамленная быстро растущими мутировавшими деревьями, походила на опасную серебряную змею, высунувшую жало.

Стоя у подножия гор, все почувствовали нежелание идти дальше, но другого выбора у них не было.

Они шли по дороге, пересекли одну гору и добрались до середины второй горы, на склоне, обращенном от города, когда Сюэ Ган наконец приказал сделать привал.

Услышав о возможности отдохнуть, до этого молчавшая группа мгновенно оживилась. Люди, чьи ноги уже дрожали от усталости, повалились на землю и принялись массировать и разминать их.

Несколько сотен человек беспорядочно расселись вдоль шоссе. Те, у кого было оружие, сгруппировались вокруг Сюэ Гана, смеялись и отдыхали, в то время как десяток-другой безоружных людей на самых дальних рубежах взяли на себя функции часовых.

Цзи Яньцин выбрал уголок подальше и от Сюэ Гана, и от всех остальных. Он выпустил Цзи Лэ из рюкзака, уложил Цзи Аня рядом, а затем сел сам.

Цзи Ань и Цзи Лэ уже давно спали. После целого дня беготни вчера и недавнего плача, они, несмотря на выносливость, превышающую таковую у сверстников, совершенно измотались и уснули еще до того, как они выбрались из города.

— На. — Подошедший Ся Шэньшу кинул Цзи Яньцину кучу продуктов.

Цзи Яньцин поймал и посмотрел: коробка молока, яблоко и засохший вареный цзунцзы (клетка из риса). Не так уж много, но в этом апокалиптическом мире это была невероятная роскошь.

Цзи Яньцин посмотрел на Ся Шэньшу:

— Откуда это?

— Завтрак. Сюэ Ган дал. — Ся Шэньшу сел рядом с Цзи Яньцином, держа в руках примерно такой же набор.

Цзи Яньцин взглянул на Сюэ Гана. Тот, заметив их, с нарочитой серьезностью поднял в приветствии пакет молока, которое пил сам.

Цзи Яньцин окинул взглядом группу людей вокруг, у которых не было еды и которые боялись подать голос, и опустил глаза.

— Что ты собираешься делать? — спросил Ся Шэньшу, жуя с набитым ртом.

Цзи Яньцин взглянул на него с недоумением.

Ся Шэньшу с удовольствием пил молоко, издавая громкое «бульк» через трубочку, из-за чего несколько человек поблизости невольно сглотнули.

Цзи Яньцин подозревал, что он делает это нарочно.

— Останешься или уйдешь? — очень тихо спросил Ся Шэньшу.

Цзи Яньцин удивился. Он действительно обдумывал это, но не ожидал, что Ся Шэньшу заговорит об этом первым.

Чем больше людей в отряде, тем выше его боеспособность, и тем больше припасов и воды они могут нести. И хотя большая группа несет с собой больший риск и потребление ресурсов, это все равно лучше, чем выживать в одиночку.

Ся Шэньшу допил молоко и выбросил коробку:

— Если надумаешь уходить, скажи. Я в любой момент могу пойти с тобой.

— А что изменится, если уйдем? Кто гарантирует, что следующий отряд будет лучше? — раздался за спиной Цзи Яньцина голос Лань Цзы.

Цзи Яньцин оглянулся. Лань Цзы незаметно села за ним у дерева.

Условия апокалипсиса были неблагоприятны для женщин. В отряде Сюэ Гана тоже были женщины, и было видно, что им приходится несладко.

— Тогда создадим свой собственный отряд выживших.

— И что с того, что создадим? Жизнь останется прежней — без дома, постоянные скитания, — Лань Цзы вздрогнула и горько усмехнулась. В этом апокалипсисе они всего лишь мотыльки.

— А когда людей будет достаточно, мы построим Убежище, будем постоянно укреплять и улучшать его, пока оно не станет настоящей крепостью. Пока нам больше не придется бродяжничать, и пока мы не сможем назвать это место домом, — Ся Шэньшу пожал плечами и улыбнулся с беззаботным видом. — У человека всегда должна быть какая-то цель в жизни.

Ся Шэньшу отряхнул штаны, встал и посмотрел на Цзи Яньцина:

— Решишь уходить — скажи мне.

Некоторые улыбаются, но от них мороз по коже, а другие пытаются казаться суровыми, но к ним тянешься. Цзи Яньцин был из тех, кому можно доверить свою жизнь, а таких людей в этом мире осталось немного.

Ся Шэньшу ушел.

Цзи Яньцин смотрел ему вслед.

Отряд выживших, Убежище, Дом... Даже зная, что все, что описал Ся Шэньшу, лишь фантазия, его сердце не могло не дрогнуть.

— Ху-у... — Лань Цзы, прислонившись к дереву, долго выдыхала, глядя в небо. Утреннее небо было лазурным, как на картине, но уже через несколько часов оно принесет смертоносный зной.

Лань Цзы бросила Цзи Яньцину свой кусок хлеба, чтобы он оставил его Цзи Аню и Цзи Лэ.

Сюэ Ган не выдал им порций для детей.

Лань Цзы знала, что Цзи Яньцин не даст им голодать, и что он обязательно поделится своей долей.

Цзи Яньцин тихо поблагодарил ее, убрал хлеб, свой цзунцзы и яблоко в рюкзак, а взял только молоко, вставив в него трубочку.

Он только собрался пить, как к нему подошел Лысый, который до этого был рядом с Сюэ Ганом.

Подойдя, Лысый бросил Цзи Яньцину два небольших кусочка хлеба:

— Я попросил Сюэ Гана, это для Цзи Аня и их.

Цзи Яньцин посмотрел на него.

Ранение глаза покрыло лоб Лысого мелким потом. Из-за усталости после многодневного бегства его лицо выглядело изможденным, словно он вот-вот упадет, но держался он бодро.

Лысый оживленно, легким тоном сказал:

— Вот и отлично, теперь нам будет намного легче.

Цзи Яньцин молчал.

Лысый на мгновение опешил, но быстро понял: Цзи Яньцин всегда был хорошим человеком.

Лысый лишь ненадолго задержал взгляд на молча отдыхающих людях, отвел его, перестал улыбаться и, понизив голос, стал утешать Цзи Яньцина:

— Хоть у Сюэ Гана и скверный характер, но некоторые вещи неизбежны. Нет правил — нет порядка, нет дисциплины — нет организации.

— Угу, — Цзи Яньцин смотрел на молоко в руке. Он пил его последний раз еще до вспышки вируса.

Лысый вздохнул:

— Невозможно позаботиться о каждом из стольких людей. Всегда приходится чем-то жертвовать.

Лысый хлопнул Цзи Яньцина по плечу и направился к группе Сюэ Гана. За какие-то несколько часов он успел с ними сдружиться.

У Яо тоже был там. Как студент, который до апокалипсиса еще не вошел во взрослую жизнь, он явно чувствовал себя не в своей тарелке, неловко и растерянно.

Было видно, что он изо всех сил старается приспособиться.

Цзи Яньцин последовательно окинул взглядом нескольких человек в их отряде и, наконец, остановился на мужчине, которого они схватили прошлой ночью на дороге.

Это была не первая их встреча, но Цзи Яньцин впервые отчетливо видел его лицо.

Высокий, стройный силуэт, чистая белая рубашка, черные классические брюки, черный длинный плащ. Брови мужчины были острыми, как мечи, нос с высокой переносицей. Его глаза были угольно-черными и такими леденяще-холодными, словно их обладатель никогда не испытывал человеческих эмоций, и один лишь прямой взгляд вызывал дрожь.

Длинные, до пояса, черные волосы были небрежно собраны на затылке. Падающие на лоб пряди смягчали ледяное выражение его лица, но одновременно подчеркивали тонкость его губ.

Холодный, отстраненный — все было так, как и должно. Но сейчас этот человек пристально и задумчиво смотрел на Цзи Аня и Цзи Лэ, которые, свернувшись, как котята, спали рядом с ним. В его взгляде читались растерянность и недоумение, а в глубине, казалось, таилась легкая обида.

Он выглядел точь-в-точь как жалобный, брошенный щенок крупной породы.

Фэн Имо и в самом деле был сбит с толку.

Он не понимал, что пошло не так, и почему его детеныши теперь называют папой кого-то другого.

<http://bllate.org/book/14654/1301163>